

RU

Хронотопическая структура текста элегии донормандского периода

Соловьева М. С.

Аннотация. Цель исследования - выявить хронотопическую структуру текстов англосаксонских героических элегий. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые описываются основные хронотопические поля, характерные для элегического текста, и их репрезентация в текстах рассматриваемой эпохи. Полученные результаты показали, что оппозиция хронотопических полей «До утраты» - «Событие утраты и его обстоятельства» - «После утраты» присутствует уже в наиболее ранних элегических текстах на английском языке, при этом способ их репрезентации различается в зависимости от того, является ли субъектом речи мужчина или женщина. В элегиях, написанных от лица мужчины, каждое из перечисленных хронотопических полей подразделяется также на личное и всеобщее.

EN

Chronotopic Structure of the Text of an Elegy from the Pre-Norman Period

Solovyova M. S.

Abstract. The purpose of the research is to identify the chronotopic structure of the texts of Anglo-Saxon heroic elegies. The paper is novel in that it is the first to describe the main chronotopic fields characteristic of an elegiac text and their representation in the texts from the period under consideration. The research findings have shown that the opposition of the chronotopic fields “Before Loss” - “The Event of Loss and Its Circumstances” - “After Loss” is already present in the earliest elegiac texts in English, while the way of their representation differs depending on whether the subject of speech is a man or a woman. Each of the specified chronotopic fields is also divided into a personal and a universal field in the elegies written from the perspective of a man.

Введение

Актуальность исследования обусловлена активным развитием лингвистики текста, необходимостью построения типологии текстов, в частности художественных, как по содержательным параметрам, так и по особенностям плана выражения, а также необходимость диахронического исследования различных типов текстов.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: во-первых, определить основные хронотопические поля, присутствующие в тексте элегий англосаксонского периода, во-вторых, исследовать способы их репрезентации в рассматриваемых текстах.

Основным методом, используемым в статье, является метод лингвистической интерпретации текста, дополненный методом проникающего изучения категории эмотивности (ПИКЭ).

Теоретической базой послужили труды М. М. Бахтина (1975, с. 234), впервые употребившего термин «хронотоп» по отношению к тексту, и других исследователей, изучавших пространственно-временную структуру текстов различных типов, вне зависимости от того, применяли они термин «хронотоп» или нет (Пропп, 2009; Мелетинский, 1976; Лотман, 1998; Воронцова, 2002; Бочкарева, 2004; Енукидзе, 1987; Гаспаров, 2000; Гальперин, 2007; Тураева, 2009).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться как в теоретических, так и в практических курсах стилистики, лингвистики текста и интерпретации текста, а также при написании дипломных и курсовых работ.

Основная часть**Уточнение понятий «элегия» и «хронотопическое поле» (XII)**

В элегии, под которой в настоящем исследовании понимается стихотворный текст, репрезентирующий отрицательные эмоции персонажа (совпадающего или не совпадающего с субъектом речи), который переживает

ситуацию утраты объекта, вызывавшего положительные эмоции, именно событие утраты, произошедшее в прошлом относительно момента речи, разделяет художественное время на период до утраты, период, в который произошло событие утраты, и период после утраты. Эти периоды отображаются в тексте как определенные хронологические «поля». Термин «хронологическое поле» (далее – ХП) заимствован у Н. В. Алексеевой (2011, с. 316). В настоящей работе хронологическое поле понимается как актуализованное в тексте представление субъекта речи (перволичного или третьеличного повествователя, лирического героя, а также различных персонажей, чья прямая речь вводится в текст) об отрезке пространственно-временного континуума, определенным образом ориентированного относительно ключевых событий текста (в элегии – относительно события утраты).

Основные элементы пространственно-временной структуры англосаксонских элегий

Пространственно-временная структура англосаксонских элегий (вне зависимости от того, пользуется ли исследователь термином «хронотоп» или нет) неоднократно затрагивалась в трудах отечественных и зарубежных литературоведов и лингвистов.

Как элегии в настоящей статье рассматриваются следующие древнеанглийские тексты: “The Wanderer”, “The Seafarer”, “The Ruin”, “Deor”, “Wulf and Eadwacer”, “The Wife’s Lament”.

В пространственно-временной структуре мужских элегий выделяются следующие оппозиции хронологических полей:

1. «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты».

Событие утраты понимается либо как личное, имевшее место в жизни субъекта речи, либо как всеобщее (смертность каждого человека, включая прошлые, ныне живущие и будущие поколения, а также потенциальный конец света).

2. «Земной мир» – «Иной мир».

Рассмотрим репрезентацию каждого из этих хронологических полей в текстах мужских элегий.

ХП «До утраты»

Малое ХП «До утраты (личное)» в элегии “The Wanderer” (2022) введено как воспоминание Скитальца во сне: “...þinceð him on mode þæt he his mondryhten // clyppe ond cysse, ond on sneo lecge // honda ond heafod swa he hwilum ær // geardagum giefstolas breac”. / «...и видения приходят в душу: государя как будто // обнимает он и целует, и руки ему на колена, // и голову слагает, как было, когда слугою // в дни минувшие делил он дары престола» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 73-74).

В элегии “The Seafarer” (2022) присутствует образ счастливого обитателя суши, чье настоящее, судя по контексту, сопоставимо с прошлым Морестранника в период «До утраты»: “Forþon nis þæs modwlonc mon ofer eorþan... þæt he a his sæfore sorge næbbe, // to hwon hine dryhten gedon wille”. / «Ибо нет под небом столь знатного человека... чтобы он никогда не думал // о дальней морской дороге, // о пути, что уготован всевластителем человеку» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 67).

В элегии “Deor” (2022) лирический герой кратко и сухо рассказывает о своем прошлом до утраты: “...ic hwile wæs Heodeninga scop, // dryhtne dyre; me wæs Deor noma. // Ahte ic fela wintra folgað tilne, // holdne hlaforð”. / «...певец... прежде // жил я в дружине державного хеоденинга, // Деором звался государев любимец, // долго доброму владыке служивший, // конунгу исконному» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 13-14).

В элегии “The Ruin” малое ХП «До утраты (личное)» не актуализировано ввиду отсутствия в тексте эксплицитно представленного субъекта утраты.

Малое ХП «До утраты (всеобщее)» эксплицитно представлено в трех из четырех мужских элегиях. В двух из них – “The Wanderer” и “The Ruin” – этой цели служит образ руин, который в художественной литературе способствует представлению времени «всего сразу», лишённого хронологических характеристик (Заломкина, 2003, с. 12). Разрушенные здания непосредственно принадлежат к моменту произнесения лирического монолога, однако позволяют воссоздать в воображении их былое величие, а также события, приведшие к их упадку. Иными словами, руины некогда величественных разрушенных зданий одновременно принадлежат к хронологическим полям «До утраты», «Событие утраты и его обстоятельства» и «После утраты».

В элегии “The Ruin” воссоздается целостная картина славного прошлого зданий. Оно представлено в виде предикативных структур (придаточных предложений, входящих в состав сложных предложений), повествующих о разрушении:

“...þær iu beorn monig // glædmod ond goldbeorht gleoma gefrætwed, // wlonc ond wingal wighyrstum scan; // seah on sinc, on sylfor, on searogimmas, // on ead, on æht, on eorcanstan, // on þas beorhtan burg bradan rices” (The Ruin, 2022). / «...где сверкали прежде // золотом властные, латами ратники, // знатные, хмельные казной любовались, // камнями и серебром, имением драгоценным, // мужи дружинные, жемчугом самоцветным, // гордые, этим городом в богатой державе» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 80). “Stanhofu stodan, stream hate // wearp widan wylme; weal eall befeng // beorhtan bosme, þær þa þaþu wæron, // hat on hreþre. þæt wæs hudelic” (The Ruin, 2022). / «Были каменные покои; и рекою вливались воды // в купель кипучие; кирпичной оградой, // стенами обставленный источник горячий» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 80).

В элегии “The Wanderer” отрывок, посвященный руинам, акцентирует в первую очередь их нынешнее плачевное состояние, поэтому будет процитирован далее, при рассмотрении малого ХП «После утраты (всеобщее)». Нет здесь и целостной картины происшедшего в зданиях до их разрушения. Можно говорить

о фрагментарной репрезентации малого ХП «До утраты (всеобщее)», где его элементы вплетены в предложения, посвященные оплакиванию утраты, и выступают одновременно как ее объекты (в цитируемом далее отрывке эти элементы выделены подчеркиванием): “Hwær swom mearg? Hwær swom mag? Hwær swom maþþungyfa? // Hwær swom symbla gesetu? Hwær sindon seledreamas? // Eala beorht bune! Eala byrnwiga! Eala þeodnes þrym!” (The Wanderer, 2022). / «Где же тот конь и где же конник? где исконный золотодаритель? // где веселье застолий? где эти все хоромы? // – увы, золоченая чаша, увы, кольчужный ратник, // увы, войсководы слава» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 76-77). Элементы утраченного хронотопа выступают одновременно и как объекты утраты. В этом фрагменте умершие конунг и воины, разрушенный пиришественный зал аналогичны объектам утраты для субъекта утраты.

В элегии “The Seafarer” (2022) ХП «До утраты (всеобщее)» репрезентировано следующим образом: “...nearon nu cyningas ne caseras ne goldgiefan swylce iu wæron, // þonne hi mæst mid him mæra gefremedon // ond on dryhtlicestum dome lifdon”. / «...кесари ныне, кольцедарители // не те державцы, что жили допрежде, // особы сильные, в усобицах необоримые, // владетели пределов добродетельные и правые» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 69-70).

В элегии “Deor” ХП «До утраты (всеобщее)» не представлено эксплицитно, так как все персонажи изображены уже страдающими от утраты. Их истории подробно не рассказываются, так как входили в фоновые знания читателей и слушателей текста.

Во всех приведенных примерах прослеживается аналогия между малыми ХП «До утраты (личное)» и «До утраты (всеобщее)». В обоих случаях пространство периода, предшествовавшего утрате, – это пиришественный зал, символизирующий привычную жизнь

ХП «Событие утраты и его обстоятельства»

Малое ХП «Событие утраты и его обстоятельства (личное)» эксплицитно представлено в элегиях “The Wanderer” и “Deor”. В элегии “The Wanderer” событие утраты дано фрагментарно. Роковые события могут быть представлены в виде отглагольных существительных в составе распространенного обособленного определения, относящегося к субъекту утраты: “Swa swæð eardstapa, earfeþa gemyndig, // wraþra wælsleahta, winemæga hryre” (The Wanderer, 2022). / «Так говорил скиталец о жестоких кровопролитях, // о горестях и невзгодах, о гибели сородичей» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 71); “...earnsearig, eðle bidæled, // freomægum feor” (The Wanderer, 2022). / «...разлученный с отчизной, удрученный, сирый» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 72), то есть речь идет о свернутой пропозиции. Даже оформленные в виде полноценной предикативной структуры, они вытеснены в придаточное предложение: “...siþþan geara iu goldwine minne // hrusan heolstre biwrah” (The Wanderer, 2022). / «...когда государь мой золотоподатель // в земную лег темницу» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 72). Единственное полноценное предложение, отсылающее к событию утраты: “Wyn eal gedreas” (The Wanderer, 2022). / «Убита радость» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 73) – ничего не сообщает об обстоятельствах события утраты, а лишь констатирует его последствия. Нарративные фрагменты, повествующие о событии утраты и его обстоятельствах, в тексте данной элегии отсутствуют.

В элегии “Deor” (2022) событие утраты представлено в рамках придаточного предложения, повествующего об истории Деора: “...oþ þæt Heorrenda nu, leodcraeftig monn, // londryht gefaþ þæt me eorla hleo // ær gesealde”. / «...пока Хеорренде, // мужу премудропевчому, не досталось именье, // каким страж рати одарил меня прежде» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 14).

О произошедшем рассказано предельно кратко и четко, с упоминанием конкретного имени и без использования поэтических тропов.

Сравнивая придаточные предложения, сообщающие о событии утраты в элегиях “Deor” и “The Wanderer”, стоит отметить, что у них противоположная временная направленность:

“The Wanderer” (2022): “...siþþan geara iu goldwine minne // hrusan heolstre biwrah”. / «...когда (дословно: “с тех пор как”. – М. С.) государь мой золотоподатель // в земную лег темницу» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 72).

“Deor” (2022): “...oþ þæt Heorrenda nu... londryht gefaþ...”. / «...пока Хеорренде // ...не досталось именье» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 14).

В рассказе Деора – прямая последовательность событий, в то время как в речи Скитальца событие утраты показано в ретроспективе.

В элегии “Seafarer” указания на личное событие утраты не встречаются, однако имплицитно данное малое ХП все же присутствует – подразумевается, что превращение счастливого обитателя суши в морестранника было сопряжено с драматическими событиями.

В элегии “The Ruin” данное малое ХП не представлено ни эксплицитно, ни имплицитно ввиду отсутствия в тексте субъекта речи, переживающего личную утрату.

Говоря о репрезентации малого ХП «Событие утраты и его обстоятельства (всеобщее)», стоит отметить, что грань между личной и всеобщей утратой в англосаксонских элегиях можно провести лишь условно. Каждая индивидуальная утрата, включая личную утрату субъекта речи, во всех трех элегиях, где она представлена, трактуется как частный случай бренности, преходящего характера всего земного.

В элегии “Deor” (2022) строфы, рассказывающие о несчастьях, выпавших на долю как легендарных персонажей и целых народов, так и самого субъекта речи, завершает рефрен “Pæs ofereode, // þisses swa mæg”. / «Как минуло то, // так и это минет» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 14), переводя его историю из разряда частного в разряд общего.

В элегии “The Wanderer” субъект речи рассуждает о причинах гибели зданий, обратившихся в руины, и населявших их людей:

“Sume wig fornom, // ferede in forðwege, sumne fugel oþbær // ofer heanne holm, sumne se hara wulf // deade gedælde, sumne dreorighleor in // eorðscræfe eorl gehydde” (The Wanderer, 2022). / «Кого-то из битвы гибель // проворная умчала, кого-то ворон унес // через пучину высокую, кого-то волчина серый // растерзал по смерти, кого-то в землю глубоко // зарыли соратники грустноликие» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 76). Эти строки перекликаются с его личной утратой.

Данное малое XII актуализируется не только при помощи прошедшего, но и настоящего времени:

“Swa þes middangeard // ealra dogra gehwam dreoseð ond fealleð” (The Wanderer, 2022). / «И как непрестанно // другие гибнут, кругом все рушится» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 75).

“Simle þreora sum þinga gehwylce // ær his tiddege to tweon weorþeð // adl oþþe ylde oþþe ecghete // fægum fromweardum feorh oðþringeð” (The Seafarer, 2022). / «Из трех единое когда-нибудь да случится, // пока человеческий век не кончится, // хворь или старость и сталь вражья // жизнь у обреченного без жалости отнимут» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 69).

Особый случай всеобщей утраты – конец света в элегии “The Wanderer” (2022): “...hu gæstlic bið, // þonne ealre þisse worulde wela weste stondeð”. / «...какое горе, // когда богатство гибнет без пользы» (более дословный перевод: «как страшно (будет), когда все добро этого мира (будет) опустошено». – М. С.) (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 75). Настоящее время здесь использовано только потому, что в древнеанглийском языке не было форм будущего, само же событие относится к будущему. “The Wanderer” – единственная из древнеанглийских элегий, где упоминается конец света в качестве окончательной утраты всего земного мира.

События утраты регулярно происходили в прошлом, происходят в настоящем и будут происходить в будущем. Личная история субъекта речи – некогда стабильное положение в обществе, утрата этой стабильности и нынешнее незавидное положение – линейна, и в то же время она трактуется как частное проявление преходящей природы всего земного. Однако история человечества, несмотря на повторяемость, все же имеет линейную направленность и завершится концом света (эксплицитно представлен в элегии “The Wanderer”). Таким образом, можно говорить о сочетании линейного и циклического времени в мужских элегиях.

Настоящее непрерывно становится прошедшим, будущее – настоящим. «Всякий человек» только что был изображен оплакивающим друзей, а несколько строк спустя он уже сам становится объектом оплакивания.

ХП «После утраты»

Малое XII «После утраты (личное)» представлено в 3 из 4 мужских элегий (исключая “The Ruin” за отсутствием эксплицитно представленного субъекта утраты). При описании морских странствий субъекта утраты после изгнания в разных текстах в сходных контекстах используется прошедшее (“The Seafarer”) или настоящее (“The Wanderer”) время. Сюжет элегии “The Seafarer” не дает оснований полагать, что ситуация, в которой находился персонаж, изменилась в какую-либо сторону. Поэтому грамматическое время при рассмотрении мужских элегий англосаксонского периода, в отличие от элегий более поздних периодов, не будет служить основанием для выделения каких-либо малых XII.

В элегиях “The Wanderer” и “The Seafarer” время после утраты субъектом речи своего места в обществе сопряжено со странствиями по морю. Пространство представлено так, как его воспринимает субъект речи, при этом задействованы различные каналы восприятия.

Ощущение холода передается через:

- осязательные образы передают как холод самого моря: “iscealdne sæ” (The Seafarer, 2022) («ледяное море» (перевод автора статьи. – М. С.)), “iscaldne wæg” (The Seafarer, 2022) («ледяная волна» (перевод автора статьи. – М. С.)), так и мучительную скованность движений ооченевшего тела субъекта речи: “Calde geþrunge wæron mine fet, // forste gebunden, caldum clommu” (The Seafarer, 2022). / «...холод прокалывал // ознобом ноги, ледяными оковами // мороз оковывал» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 65);

- зрительные образы, также ассоциирующиеся с ощущением холода. Описывается как морской пейзаж: “...norþan sniwe, // hrim hrusan bond, hægl feol on eorþan, // corna caldast” (The Seafarer, 2022). / «...пурга с полуночи, // земля промерзает, зерна ледяные // пали на пашню» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 66); “...hreoþan hrim ond snaw hagle gemenged” (The Wanderer, 2022). / «...и с неба снег, и со снегом дождь» (в оригинальном тексте также упоминается град. – М. С.) (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 74), так и страдающий от мороза субъект речи: “...bihongen hrimgicelum” (The Seafarer, 2022). / «...льдом одетый» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 66).

Обитатели моря – морские птицы – противопоставляются утраченному человеческому обществу. В элегии “The Wanderer” (2022) они введены при помощи зрительных образов, в сцене пробуждения персонажа после сна, в котором он видел погибшего господина: “...gesihð him biforan fealwe wegas, // baþian brimfluglas, brædan ferga”. / «...он видит... темные волны // и как, воспаря на крыльях, ныряют морские птицы» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 74). В элегии “The Seafarer” (2022) голоса морских птиц противопоставляются человеческим голосам, шуму в пиршественном зале: “Hwilum ylfete song // dyde ic me to gomene, ganetes hleoþor // ond huilþan sweg fore hleahtor wera, // mæw singende fore medodrince”. / «Изгой одна отрада: // клики лебедя, крик баклана, // стон поморника – не смех в застолье, // пенье чайки – не медопитье» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 66). И звуки природы, и шум пиршественного зала выступают здесь как синекдоха, служа противопоставлению дикого пространства моря и культурного пространства суши соответственно. Звуки культурного пространства принадлежат к XII «До утраты».

Слуховые образы – шум моря (“hlimman sæ”), крики морских птиц, то есть звуки дикой природы, живой и неживой, позиционируют пространство моря как дикое и необжитое. В элегии “Deor” о пространстве, в котором в данный момент находится субъект утраты, ничего не сообщается.

Малое XII «После утраты (всеобщее)» эксплицитно представлено во всех четырех мужских элегиях. Выступает как настоящее и будущее запустение, разрушение всего земного мира и его благ: “Ongietan sceal gleaw hæle hu gæstlic bið, // þonne ealre þisse worulde wela weste stondeð, // swa nu missenlice geond þisne mid-dangeard // winde biwaune weallas stondaþ, // hrime bihrorene, hryðge þa ederas” (The Wanderer, 2022). / «...муж мудрый, – понимать он должен, // какое горе, когда богатство гибнет без пользы, // как ныне везде в среднем мире: // ветрам открытые, покрытые инеем // стены остались, опустели жилища» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 75). Описание руин некогда величественных зданий занимает первые 12 строк элегии “The Ruin” (2022), прежде чем субъект речи переходит к мысленной реконструкции этих строений и причин их разрушения (XII «До утраты» и «Событие утраты и его обстоятельства»): “Wætlic is þes wealstan, wyrde gebræcon; // burgstede burston, brosnad enta geweorc. // Hrofas sind gehrorene, hreorge torras, // hrungeat berofen, hrim on lime, // scearde scurbeorge scorene, gedrorene, // ældo undereotone. Eorðgrap hafað // waldend wyrhtan forweorone, geleorene, // heardgripe hrusan, oþ hund cnea // werþeoda gewitan. Oft þæs wag gebad // ræghar ond readfah rice æfter oþrum, // ofstonden under stormum steap gear gedreas”. / «Каменная диковина – великанов работа. // Рок разрушил. Ограда кирпичная. // Пали стропила; башни осыпаются, // украдены врат забрала; мороз на известке; // щели в дощатых – в щепки изгрызены, // крыши временем; скрыты в могилах // землю взяты зодчие искусные – // на века они канули, пока не минет // сто поколений смертных; стены красно-кирпичные // видели, серо-мшанные, держав крушенья; // под вихрями выстояли; рухнули высокосводчатые» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 78-79). Сходный фрагмент находим в элегии “The Wanderer” (2022): “...winde biwaune weallas stondaþ, // hrime bihrorene, hryðge þa ederas // Woriað þa winsalo”. / «...ветрам открытые, покрытые инеем // стены остались, опустели жилища, // здания упадают» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 75-76).

В элегии “The Seafarer” данное малое XII представлено следующими высказываниями:

“Dagas sind gewitene, // ealle onmedlan eorþan rices; // nearon nu cyningas ne caseras ne goldgiefan swylce iu wæron” (The Seafarer, 2022). / «Уже не стало // на земле величия: ушли всевластные; // кесари ныне, кольцедарители, // не те державцы, что жили допрежде» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 69).

“Gedroren is þeos dugud eal, dreamas sind gewitene; // wuniað þa wacran ond þæs woruld healdaþ, // brucað þurh bisgo. Blæd is gehnæged, // eorþan indryhto ealdað ond searað, // swa nu monna gehwylc geond middangeard” (The Seafarer, 2022). / «Рать погибла, радость минула, // прозябают слабейшие вожди в обители мира, // хлопочут без пользы; пала слава, // роды благородные хиреют, старятся, // как и всякий смертный в мире срединном» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 70).

В этих двух отрывках идея запустения и разрушения земного мира представлена без детализированных описаний пространства, в отличие от элегий “The Wanderer” и “The Ruin”.

XII «Земной мир» – «Иной мир»

Оппозиция XII «Земной мир» – «Иной мир» представлена в элегиях “The Wanderer” и “The Seafarer”, а также, с некоторыми оговорками, в элегии “Deor”. Именно в рамках земного мира выделяются XII «До утраты», «Событие утраты и его обстоятельства» и «После утраты», как в личном, так и во всеобщем масштабе. Пространство XII «Земной мир» включает и море, по которому вынужден скитаться главный герой, связанное с XII «После утраты (личное)», и противопоставленный ему пиршественный зал, связанный с XII «До утраты (личное)», и полуразрушенные стены величественных сооружений прошлого, связанные с XII «После утраты (всеобщее)». Присутствует в тексте и обобщение: небесный мир обозначен при помощи существительного “heofon” (heaven – ВТ). Оно употребляется дважды – в словосочетании “weoruld under heofonum” (The Wanderer, 2022) («в мире поднебесном» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 77)), обозначающем земной мир, где данное существительное может относиться к материальному физическому небу, а не духовной реальности в христианском понимании, а также в финале элегии, где оно обозначает место пребывания Бога и праведных душ: “Wel bið þam þe him are seceð, // frofre to Fæder on heofonum, þær us eal seo fæstnung stondeð” (The Wanderer, 2022). / «Добро тому, кто взыскует // помощи Господней на небе, где обеспечена всем людям защита» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 78).

Земной мир и все его объекты, включая людей, характеризуются как бранные (“læne”), подлежащие опустошению (“idel”): “...her bið feoh læne, her bið freond læne, // her bið mon læne, her bið mæg læne, // eal þis eorþan gesteal idel weorþeð” (The Wanderer, 2022). / «...здесь и золото не вечно, и друзья здесь не вечны, // человек здесь не вечен, родовичи не вечны. // Вся страну земную не минует погибель!» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 77).

Существительное “fæstnung” служит для противопоставления мира небесного земному миру, где все брэнно и подлежит разрушению. Небесный мир, напротив, представлен как неизменный и надежный. Эта идея вынесена в последние строки элегии “The Wanderer” (2022): “Wel bið þam þe him are seceð, frofre to Fæder on heofonum, // þær us eal seo fæstnung stondeð”. / «Добро тому, кто взыскует // помощи Господней на небе, где обеспечена всем людям защита» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 78). Поскольку существительное “fæstnung”, помимо абстрактных значений «надежность», «постоянство», может обозначать закрытое или укрепленное пространство, можно рассматривать Царствие Небесное как антитезу открытому пространству моря.

В элегии “The Seafarer” акценты расставлены по-иному. Небесный мир изображен как родной дом (“ham”), куда лирический герой призывает вернуться своих адресатов, приложив к этому труд в рамках земного мира. Земной мир в первой части элегии представлен оппозицией «Море» – «Суша», при этом пространство моря – источник страданий для лирического героя, пространство суши – источник земных благ для противопоставляемого ему «счастливец».

Однако культурное пространство суши не получает положительной оценки в устах лирического героя. Как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая (2004), «образно концептуальная цепочка “земля-суша-крепость-город-мир” незаметно становится символом “града земного” и “мира сего” со всеми его отрицательными коннотациями как места непрочного и ненадежного» (с. 345), а образ моря «превращается в символ благодатных скорбей, приближающих человека к иноческой жизни с Богом» (с. 345).

В этой связи хочется еще раз обратиться к строкам, передающим ощущение холода, мучившего лирического героя в морских скитаниях. Приведем их в более полной форме: “Calde geþrunge // wæron mine fet, forste gebunden, // caldum clommum, þær þa ceare seofedun // hat ymb heortan” (The Seafarer, 2022). / «Холод прокалывал // ознобом ноги, ледяными оковами // мороз оковывал, и не раз стеноло // горе в сердце горячее, голод грыз утробу // в море души измученной» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 65). Существительное “heort” (сердце) в данном случае служит маркером отнесения значения слова к эмоциональной, а не событийной сфере. Поэтому очевидно, что здесь противопоставляются физические и душевные страдания лирического героя, при этом физические страдания переданы при помощи образа холода (и чуть позже – голода: “...hungor innan slat // merewerges mod” (The Seafarer, 2022). / «...голод грыз утробу // в море души измученной» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 65)), вторые – напротив, при помощи образа жара, передаваемого прилагательным “hat” (горячий). Второй раз это прилагательное встретится позже, в строке 64, также относительно душевной жизни персонажа, однако при совершенно ином смысловом наполнении: “...forþon me hatran sind // dryhtnes dreamas þonne þis deade lif, // læne on londe” (The Seafarer, 2022). / «...ведь только Господним // я дорожу блаженством, а не жизнью мертвой, // здесь преходящей» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 68). Если в предыдущем примере нравственные страдания противопоставляются физическим, то здесь, напротив, духовные блага противопоставлены материальным.

Отсылкой к ХП «Небесный мир» в элегии “Deor” (2022) можно считать упоминание Бога, который, однако, действует в пространстве земного мира: “...geond þas woruld // witig Dryhten wendeþ geneahhe, // eorle monegum are gesceawað, // wislicne blæd, sumum weana dæl”. / «...в этом мире // пути святого Властителя неисповедимы: // кому отмерены немалые блага, // часть беспечальная, а другим – злосчастье» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 13).

Перейдем к рассмотрению пространственно-временной структуры женских элегий. Она не включает линию всеобщего времени, а также оппозицию «Земной мир» – «Иной мир». В обеих женских элегиях лирическая героиня сосредоточена на нынешнем бедственном положении. Поэтому ниже при анализе хронотопической структуры этих двух текстов ХП «До утраты», «Событие утраты и его обстоятельства» и «После утраты» не будут подразделяться на малые ХП «Личное vs всеобщее».

ХП «До утраты»

В женских элегиях ХП «До утраты» – это пространство и время, в котором лирическая героиня и ее возлюбленный были вместе. В элегии “Wulf and Eadwacer” данное ХП представлено лишь имплицитно как предполагаемый период, когда лирическая героиня была вместе с Вульфом. В элегии “The Wife’s Lament” (2022) есть отсылка к счастливому прошлому, однако конкретные пространственные детали отсутствуют: “Ful oft wit beotedan // þæt unc ne gedælde nemne deað ana // owiht elles”. / «Не забыть мне прежнего: // как часто мы ручались, что разлучит нас только // гибель-могила» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 61). Косвенной отсылкой к ХП «До утраты» служит упоминание счастливых пар, живущих на земле, чью ситуацию лирическая героиня противопоставляет своему несчастливому настоящему: “Frynd sind on eorþan, // leofe lifgende, leger weardiað // þonne ic...” (The Wife’s Lament, 2022). / «Супруги, живущие // на земле в согласье, ложе делят, // мне же...» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 62). Настоящее этих пар соответствует прошлому лирической героини и ее мужа в ХП «До утраты», подобно как в элегии “The Seafarer” настоящее счастливого обитателя суши соответствует прошлому лирического героя в ХП «До утраты (личное)».

ХП «Событие утраты и его обстоятельства»

В текст элегии “The Wife’s Lament” данное ХП введено при помощи нарративного фрагмента: “Ærest min hlaford gewat, heonan of leodum // ofer yþa gelac; hæfde ic uhtceare // hwær min leodfruma londes wære. // Ða ic me feran gewat folgað secan, // wineleas wræcca, for minre weaþearfe, // ongunnon þæt þæs monnes magas hycgan // þurh dyrne geþoht, þæt hy todælden unc, // þæt wit gewidost in woruldrice // lifdon laðlicost: ond mec longade. // Het mec hlaford min her eard niman” (The Wife’s Lament, 2022). / «Как меня хранитель и родню свою кинул, // муж, уплывши по хлябям, плакала я на рассвете: // где же ты, господин мой, один скитаешься, – // собиралась в дорогу за супругом, как должно, // я, обиженная судьбою, нелюбимая, злосчастливая, // но мужнино семейство замыслило худо, // втайне захотело развести нас навеки, // чтобы друг от друга врозь мы жили // долго в юдоли этой, – все бедой мне обернулось: // приказал мне хозяин жить на землях его наследных» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 60-61). Это единственная из англосаксонских элегий, в которой событие утраты

(отъезд мужа, а затем – утрата его любви) введено при помощи столь длинного повествовательного фрагмента. В элегии “Deor” также присутствует нарративный отрывок, однако он намного короче и не содержит эмотивной лексики.

В элегии “Wulf and Eadwacer” событие утраты и ее обстоятельства не представлены эксплицитно, так как внимание лирической героини обращается вокруг того, что происходило и происходит после разлуки с возлюбленным.

ХП «После утраты»

Данное ХП представлено в обеих женских элегиях в качестве пространства, в котором физически находится лирическая героиня в момент речи, а также как место нахождения ее возлюбленного в ее представлении.

Пространство лирической героини в обеих элегиях – замкнутое, отделенное от всего окружающего мира (в отличие от открытого пространства моря, в которое помещен субъект утраты в мужских элегиях “The Wanderer” и “The Seafarer”). В элегии “Wulf and Eadwacer” (2022) это остров в болоте, населенный кровожадными людьми: “Wulf is on iēge, ic on oþerre. // Fæst is þæt ēglond, fenne biworpen. // Sindon wælrēowe weras þær on iēge”. / «Вульф на том острове, а вот я на этом; // тот неприступен остров, топиями окруженный, // мужи кровожадные, дружина островная» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 63-64). В элегии “The Wife’s Lament” (2022) это землянка или пещера в безрадостном месте, где героиня ощущает себя несчастной и одинокой: “Het mec hlaford min herheard niman. // Ahte ic leofra lyt on þissum londstede, // holdra freonda”. / «Приказал мне хозяин жить на землях его наследных, // дал надел мне чуждый, где без людей надежных, от слуг любимых далеко изболелась я душою» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 61); “Eald is þes eorðsele; eal ic eom oflongad. // Sindon dena dimme, duna uphea // bitre burgtunas brerum beweaxne, // wic wynna leas”. / «В лесной труппе // я живу поневоле, вовсе истосковалась; // тут утесы темные, тесные доли, // стены осторожные, терниями заросшие, // сторона унылая» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 62).

Как видно из этих примеров, лирическая героиня в обоих случаях воспринимает место, где она вынуждена находиться, как безрадостное и враждебное. Эмоциональной оценке служит и инверсия при описании пространства лирической героини в обеих элегиях: “Fæst is þæt ēglond” (Wulf and Eadwacer, 2022) (дословно: «Укреплен тот остров». – М. С.) и “Eald is þes eorðsele” (The Wife’s Lament, 2022) (дословно: «Стара эта землянка». – М. С.).

Место, в котором находится возлюбленный лирической героини, изображено по-разному. В элегии “Wulf and Eadwacer” (2022) сообщается только то, что Вульф находится в некоем замкнутом пространстве («на острове»), как и сама лирическая героиня: “Wulf is on iēge, ic on oþerre”. / «Вульф на том острове, а вот я на этом» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 63). Что касается элегии “The Wife’s Lament”, то пространство, в котором лирическая героиня представляет себе мужа (или в котором желает ему оказаться), напоминает пространство субъекта утраты в элегиях “The Wanderer” и “The Seafarer”. Он находится вдали от людей: “Sy ful wide fah feorres folclondes, // þæt min freond siteð under stanhliþe storme behrimed, // wine werigmod, wætre befloweren // on dreorsele” (The Wife’s Lament, 2022). / «Бежал в далекую, // изгнанник, в страну чужую; одинокий друг мой, // он сидит под диким льдистым утесом, // милый, изнемог он, морем окруженный // в обители бедствий» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 63). В то же время персонаж здесь изображен не управляющим судном, а пассивным, сидящим под холодными скалами.

Заключение

В результате исследования хронологической структуры англосаксонских элегий были сделаны следующие выводы. Уже на этапе зарождения англоязычной элегии в текстах представлена оппозиция хронологических полей «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты». Тем не менее имеются отличия между текстами, написанными от лица мужчины, с одной стороны, и от лица женщины – с другой. В структуре большинства мужских элегий каждое из этих ХП разделяется на личное и всеобщее. Также в них может быть факультативно представлена оппозиция ХП «Земной мир» – «Иной мир». В женских элегиях присутствует только личное пространство-время лирической героини и ее возлюбленного. Оппозиция ХП «Земной мир» – «Иной мир» в этих текстах отсутствует. ХП «До утраты» в мужских элегиях выступает как пространство и время, в котором субъект имел стабильное место в обществе. Оно репрезентировано при помощи упоминания атрибутов эпического мира (пиршественный зал, дружелюбный господин и т.п.). В женских элегиях это хронологическое поле выступает как время, когда лирическая героиня была вместе со своим возлюбленным (мужем), и репрезентируется как имплицитно, так и эксплицитно, при помощи предикативных структур. ХП «Событие утраты и его обстоятельства» в мужских элегиях выступает как совершившееся в прошлом событие, приведшее к утрате лирическим героем или персонажем своего места в обществе, и репрезентируется при помощи существительных, обозначающих разрушение или гибель, неполных или полных предикативных структур. В женских элегиях оно выступает как совершившееся в прошлом событие, приведшее к разлуке лирической героини с возлюбленным (мужем), и репрезентировано либо имплицитно, либо эксплицитно, при помощи развернутого повествования. ХП «После утраты» выступает в мужских элегиях как пространство и время скитаний и одиночества, в котором лирический герой или персонаж пребывает с момента утраты и до момента произнесения лирического монолога включительно. Оно часто репрезентировано при помощи описаний моря с использованием зрительных, звуковых и осязательных образов. В женских

элегиях данное ХП выступает как пространство, в котором лирическая героиня пребывает с момента утраты (разлуки) и до момента произнесения лирического монолога включительно. Оно репрезентировано при помощи описаний замкнутого пространства с использованием эмотивной лексики, отражающей отрицательное отношение лирической героини к данному пространству.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении трансформации способа репрезентации выявленных хронотопических полей на более поздних этапах развития англоязычной поэзии.

Источники | References

1. Алексеева Н. В. Хронотопические «поля» героя и автора в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2011. № 4 (1).
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
3. Бочкарева Т. В. Хронотоп древнеанглийской элегии «Скиталец» // Слово в перспективе литературной эволюции: к 100-летию М. И. Стеблин-Каменского / сост. Ф. Б. Успенский, О. А. Смирницкая. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Воронцова Т. И. Текст баллады. Концептуальная картина мира (на материале английских и шотландских баллад). СПб.: Изд-во РГПУ, 2002.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS; КомКнига, 2007.
6. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000.
7. Гвоздецкая Н. Ю. Древнеанглийская лирика: семантика композиции // Слово в перспективе литературной эволюции: к 100-летию М. И. Стеблин-Каменского / сост. Ф. Б. Успенский, О. А. Смирницкая. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Древнеанглийская поэзия / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1982.
9. Енукидзе Р. И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация (на материале англ.-амер. рассказа). Тбилиси, 1987.
10. Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2003.
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
13. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009.
14. Тураева З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): уч. пособие для студентов пед. институтов по спец. «Иностранные языки». М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2009.
15. Deor. 2022. URL: <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Deor>
16. The Ruin. 2022. URL: http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a03_33.htm
17. The Seafarer. 2022. URL: <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Sfr>
18. The Wanderer. 2022. URL: <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Wdr>
19. The Wife's Lament. 2022. URL: <http://www.brindinpress.com/porodwi1.htm>
20. Wulf and Eadwacer. 2022. URL: http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a03_21.htm

Информация об авторах | Author information

Соловьева Мария Сергеевна¹

¹ г. Санкт-Петербург

Solovyova Maria Sergeevna¹

¹ St. Petersburg

¹ mariathewriter@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): элегия; хронотоп; хронотопическая структура; хронотопические поля; англосаксонская поэзия; elegy; chronotope; chronotopic structure; chronotopic fields; Anglo-Saxon poetry.